

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ИСТОРИИ ГЕРАЛЬДИКИ: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ИЗ ИСТОРИИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ ДОМОВ ЕВРОПЫ

[02.07.2004] // Михаил Медведев

(На рисунке: личный бэдж английского короля Генриха IV – страусовые перья, окрашенные «горностаем»; о практике использования членами королевского Дома различающихся версий «общединастического» для Плантагенетов изобразительного девиза (пера) см. в тексте статьи).

* * *

Как-то, лет восемь назад, я обсуждал с А.В. Краско (одним из ведущих петербургских специалистов по генеалогии - к ее юбилею специально написана эта статья) наши любимые ремесла в чисто житейском ключе, и Алла Владимировна дружески позавидовала тому, сколь ярок мир, окружающий геральдиста. При всей увлекательности генеалогии геральдика все-таки обгоняет ее в декоративности... Я, конечно, ответил, что львиная доля геральдических красот может рассматриваться как декор генеалогии(1).

То, что без анализа родовой истории остаются непонятными отдельные гербы - это очевидно. Не менее необходимыми генеалогические данные являются и для исследования истории геральдики в целом, ее общих закономерностей и жанров.

В этой заметке я хотел бы привести некоторые примеры этой необходимости. Все они демонстрируют, как вместо точного и простого обозначения родословных связей геральдика постоянно предлагает исследователю сложные, многозначные, а иногда и обманчивые формы - а это богатство форм в свою очередь напоминает нам, сколь сложны генеалогические реалии, никогда не сводимые к простым схемам.

Со времени складывания феномена геральдики (т.е. со второй половины XII столетия) герб выступал в роли «универсального» знака его хозяина, обозначал его в полноте социальных ролей. Родовые, вассальные, политические, поземельные связи, репутация обладателя герба – все это было воплощено в одном образе. Эта семантическая ёмкость в свое время предопределила колоссальный успех геральдики, обычаи которой распространились по Европе со впечатляющей стремительностью. Но эта же емкость со временем оказалась чревата проблемами, ведь единство ролей, однажды ухваченное гербом, не оставалось неизменным(2).

Так, в случае с сыновьями герцога Генриха IV Лимбургского старшинство сыновей и наделение их наследством привели к геральдической коллизии; старший сын получил лен (графство Бергское), считавшийся наиболее важным в практическом плане, но не являвшийся «родовым гнездом» (нередкая ситуация!), и из «феодалных» соображений получил герб с бризурой, т.е. знаком меньшинства - т.н. турнирным воротником(3) (label)(4). Герцогство Лимбургское перешло ко второму сыну, который и унаследовал фамильный герб без бризуры. Позднее лимбургский герб без бризуры использовался тремя разными сеньорами: уже в 1280-х годах с пресечением герцогской линии рода граф Бергский стал пользоваться «чистым» лимбургским гербом; вскоре на тот же герб стали претендовать и Люксембург-Линьи, полагавшие, что отказом от герцогства бергская ветвь рода обрекла себя на положение младшей; Лимбург же перешел к герцогам Брабанта, которые также не преминули воспользоваться лимбургским львом без каких-либо бризур. В одном случае употребление неизменного герба Лимбурга обозначало генеалогическое старшинство в роду, в другом -

старшинство в аспекте родовой репрезентации, в третьем – обладание территорией (хотя оттенки каждого из значений присутствовали во всех трех случаях и были тесно связаны как различные факторы родового самосознания).

Не менее показателен случай Лейнингенского дома. На заре геральдики, едва обзаведясь гербом, род графов Лейнингенских (Линанжских) пресекся в мужском поколении с кончиною Фридриха I (шел 1220 год), которому наследовала сестра, вдовствующая графиня Саарбрюккенская Луккарда (Левкадия). Старший сын Левкадии, граф Симон III, уже правил Саарбрюккеном, и она передала свое родовое графство второму сыну, Фридриху [старшему]. Соединенные гербы были тогда еще не в обычае, и граф Фридрих просто отказался от своего родового герба в пользу герба Лейнингенов.

После смерти Фридриха в 1237 году Лейнинген должен был остаться владением старшего в его потомстве, Симона, но вскоре тот получил в приданое за своей супругой, Иоанной, графство Дагсбургское (Дабо) в Эльзасе, чем и удовольствовался. Лейнингенское графство и его герб снова достались второму сыну - еще одному Фридриху [младшему]. После смерти бездетного Симона Дагсбургского начался спор: был ли он только правителем графства *jure uxoris* (по праву жены, опосредованно) или стал полноправным владельцем лена? Фридрих настаивал на последнем и, более того, сам заявил претензию на Дагсбург. Права Фридриха в итоге были унаследованы младшим сыном Фридриха [старшего], Эмихом IV, и его потомством. Тут подоспел очередной виток развития геральдики, составные гербы вошли в широкое употребление, и Лейнингены стали соединять свой герб с гербом Дагсбурга в четверочастном щите. При этом, однако, они дополнили дагсбургские части своего герба бризурой - червленой каймой(5). Парадоксальным образом, декларируя свои права первенства в отношении Дагсбурга, Лейнингены употребляли его герб со знаком вторичности, меньшинства - вероятно, затем, чтобы дистанцировать свой герб от герба соперников.

Безусловно, склонность гербовой образности к смешению разнородных ролей все меньше соответствовала репрезентативным потребностям владельцев гербов по мере того, как на протяжении XIII-XIV вв. усложнялись политические формы и трансформировались культурные стереотипы.

Преодоление только что перечисленных «несовершенств» выразилось в утверждении к середине XIV в. девизно-ливрейной практики. Появился вспомогательный тип геральдической эмблемы - «немой» (изобразительный) девиз.

Девизы Плантагенетов пользуются репутацией старейших в среде старейшей из локальных девизных традиций - английской. Один из их известнейших девизов - страусовое перо, в разных вариантах употреблявшееся королем и его родней, восходит, согласно догадке (ныне - общепризнанной) Н.Х. Николаса(6), к гербу графства Остревантского в Геннегау (в черном поле страусовые перья), и было «занесено» в Англию супругой Эдуарда III и матерью Черного Принца, Филиппой Геннегауской.

Перо одного члена королевского дома должно было отличаться от пера другого, подобно тому, как должны были (при помощи бризур) различаться их гербы. Неудивительно, что отличительные детали, приданные девизам-перьям (например, отличительная расцветка стержня пера) часто вторили бризурам; или же бризура переносилась из гербового щита на перо (как в случае с Томасом Ланкастерским, герцогом Кларенсом, ум. в 1421 г.); или же принц использовал в гербе одну бризуру, а на пере - другую, перенося, таким образом, чисто гербовую систему отличий в девизную сферу. Так поступил, в частности, Томас Вудстокский, герцог Глостерский, в 1361 г.: стержень его пера был накрыт подвязкой - знаком одноименного рыцарского ордена, что и служило главной отличительной особенностью; к этому был добавлен так называемый турнирный воротник, серебряный, без изображений. Присутствие этой детали было связано с двойным меньшинством Томаса: в династии (он был

пятым сыном короля) и в ордене (покушаться на использование «неизменной» подвязки в качестве своей эмблемы мог, вероятно, лишь глава ордена - король). Но в гербе Глостер имел другую, в английском контексте - менее почетную, бризуру - серебряную кайму(7), тогда как серебряный турнирный воротник был с 1340 г. бризурой престолонаследника. Используя для герба и девиза разные бризуры, Глостер явно удовлетворял свои персональные амбиции.

Этот пример не только любопытен как пример использования специфически родовых знаков (каковыми являются бризуры) в несколько неожиданных целях. Он также важен потому, что демонстрирует определенное ролевое взаимодействие герба и девиза, их взаимодополнение. Но, что еще важнее, он позволяет раскрыть механизмы этого взаимодействия. Девиз приносил большую свободу в знаковую практику Глостера, но эта свобода не подразумевала ни произвола, ни некоей альтернативности по отношению к знаковой логике гербов. Напротив, именно последняя получала более свободное развитие в девизе.

Для того, чтобы в полной мере оценить семантическую игру Томаса Вудстокского, необходимо рассмотреть его перо в свете того, как бризуры употреблялись в гербах вообще, в гербах английского королевского дома - в частности. Бризура-кайма не могла быть прямо перенесена из герба Томаса на его перо ввиду своей иконографической природы (кайма связана с краем поля, перо же к описываемому времени не имело постоянной связи с каким-либо фоном). Могла ли неприложимость каймы к перу послужить достаточным основанием для покушения на более престижную, наследническую бризуру? Едва ли. Но использование турнирного воротника Глостером было оправдано присутствием подвязки. В геральдическом плане добавление подвязки к перу в качестве интегрального элемента (при всей почетности добавляемого элемента) должно считаться «умаляющим» фактором, отдающим перо Глостера от «чистого» (plain) королевского прототипа. Иными словами, сама по себе подвязка могла толковаться как бризура. В этом случае турнирный воротник оказывался вторичной бризурой, *surbrisure*, что лишало семантической самостоятельности и его, и подвязку. В результате претенциозный девиз Глостера (династическое перо и два добавленных к нему престижных элемента) оказывался вполне легитимен - если рассматривать его в гербоведческом контексте. Всё вместе - гербоведческие и девизные данные - при этом является показателем самоидентификации Глостера внутри своего семейства и, как следствие, ценным памятником «генеалогической культуры».

Прослеженная связь гербов и девизов характеризовалась тем, что оба типа знаков различались по значению и сфере применения, а потому дополняли друг друга без тавтологического дублирования. Так, гербы соперничающих английских принцев времен «войны роз» прежде всего отражали родословный источник их притязаний и, как следствие, их родство, династическую близость. Девизы этих же персонажей иллюстрировали их противостояние, притязания как таковые.

Убедительным примером того, как девиз мог служить родовым, *генеалогическим* символом и в этом качестве дополнять представительские возможности герба, является история грифона как девиза арагонских королей в период между «компромиссом Каспе» (1412) и окончательным воцарением Габсбургов.

Инфант Дон Фернандо де Антекера, герцог Пеньяфьельский, младший сын Иоанна I Кастильского и Элеоноры Арагонской, пользовался гербом, существенно отличавшимся от королевского - в его щите половина кастильско-леонского *cuartelado*(8) соединялась с арагонскими столпами, и обе части окружала кайма с котлами, служившая бризурой и одновременно указывавшая на один из апанажей - сеньорию Лара(9). Это разительное отличие по композиции от отцовского герба объясняется испанской традицией, трактовавшей королевские гербы как более «должностные», нежели династические. Ввиду этого младшие члены дома должны были особенно четко дистанцировать свои гербы от монаршего(10). Нашлемник являлся несколько менее официальным элементом герба, и поэтому Фернандо

повторял в своем гербе возникающего золотого грифона – тот же нашлемник, которым пользовались его отец и брат.

В 1403 г. дон Фернандо основал свой собственный придворный Орден Кувшина Приветствия (la Divisa de la Jarra de la Salutación(11); имелись в виду архангельское приветствие, обращенное к Пресвятой Деве, и ваза-кувшин с лилиями как символ приснодевства). Выше уже упоминались и этот орден, и его цепь. Подвеска на цепи имела вид грифона (явно преемственного по отношению к кастильскому нашлемнику). В 1406 г. с возведением на кастильский престол короля-младенца Иоанна II, племянника Дона Фернандо, нашлемник монаршего герба Кастилии был изменен(12). Старый кастильский грифон оказался в личном распоряжении инфанта.

И, наконец, в 1412 г. инфант унаследовал Арагон и Сицилию. Став Фердинандом I, он отказался от своего прежнего герба в пользу традиционных щита и нашлемника арагонских королей. Добавлять в щит или нашлемник какие-либо кастильские родовые детали Фердинанд I не стал: любые добавки могли бы понизить статус герба. Однако кастильский грифон стал его девизом. Кроме того, в качестве орденового знака родовой грифон был обращен Фердинандом в высшую награду Арагона.

Итак, не имея возможности отразить свою принадлежность к кастильскому дому в своем гербовом щите или нашлемнике, Фердинанд I использовал для этого девиз.

Аналогичным образом поступал его сын Иоанн II, король Арагонский, Сицилийский, а также Наваррский (благодаря своему первому браку - с наследницей, Бланкой I Наваррской из дома д'Эвре). Так, в 1462 году на печати Иоанна II щит с лишенным каких-либо добавлений арагонским гербом поддерживали грифон и гончий пес(13). Второй из этих знаков, заимствованный из девизного арсенала д'Эвре, указывал на принадлежность Наварры к владениям Иоанна II.

Не принадлежа к Наваррской династии по крови и приобретя корону в результате брачного союза, Иоанн II приложил немало усилий, чтобы утвердить свои собственные права на это королевство(14). Он добился пожизненного признания за собой королевского статуса в Наварре в обход прав своего старшего сына и наследника, Карлоса, первого принца Вианского; после смерти Бланки спровоцировал Карлоса на мятеж, а старшую дочь заморил в темнице, и лишь нехотя со временем уступил второй дочери ее законные права на наследование Наварры.

Стоит заметить, что Карлос Вианский сам пользовался рядом девизов, важное место среди которых занимал наваррский гончий пес. Но в 1461 году принц (к этому времени сам заявивший претензию на корону Наварры и составивший серьезную конкуренцию отцу) безвременно скончался. Обсуждаемая печать Иоанна II относится как раз ко времени, когда его претензии на полновластие в Наварре достигли пика. Герб Наварры отсутствовал на печати, поскольку она была прежде всего предназначена для использования в землях арагонской короны; использование составного герба могло бы быть истолковано в смысле «понижения». Незаменимым в такой ситуации оказывался девиз с его способностью нести дополнительную информацию.

Возвращаясь к арагонскому грифону, мы, можем признать, что он занимает особое место и в геральдике испанского королевского дома, и в государственной символике Испании; он может считаться геральдическим предтечей единства Испании, достигнутого позднее Католическими королями. Заметим, что при всей своей исторической исключительности грифон Фердинанда I играл вполне типичную для девиза роль дополнения: он обозначал те связи (в данном случае – родословные), которые не мог обозначить герб.

Вернемся к перьям английских королей и принцев, чтобы рассмотреть, как системати-

зация геральдических данных в трудах средневековых и ренессансных авторов ставят исследователя перед еще одной характерной сложностью: умозрительными генеалогическими построениями, которые могли не вполне соответствовать реалиям родовой истории.

Один из манускриптов XVI в. в собрании Британского музея сообщает о том, какие именно типы девизных перьев соответствуют достоинству короля, принца Уэльского и герцога Ланкастерского(15). Британские исследователи последовательно применяют к этому сообщению традиционный метод, позволяющий датировать гербовники: для того, чтобы выяснить, когда сложилась описываемая девизная система, они задаются вопросом о том, когда три названных достоинства существовали параллельно, принадлежа разным лицам. Этот метод требует осторожности от гербоведа (в гербовниках часто сопоставляются несинхронные данные, отдельные гербы и их атрибуты могут быть недостоверны и т.д.), но в среднем довольно надежен.

Выясняется, что герцогом Ланкастерским в этой схеме может быть лишь тесть(16) Джона Гентского до того, как последний возглавил герцогство сам. Но такой вывод сомнителен, поскольку *этот* герцог Ланкастерский (Генри Плантагенет, правнук Генриха III и троюродный брат Эдуарда III) не был связан с королевой Филиппой Геннегауской, основательницей традиции перьевых девизов, ни по крови, ни даже узами особой дружбы; едва ли в счет и отдаленное свойство (вторым зятем Генри был Вильгельм, первый граф Голландии и Геннегау из баварской династии, сменившей семейство Филиппы)(17), тем более - в отношении герцогства Ланкастерского. Это обстоятельство представляется совершенно неясным для ряда авторитетных авторов от Фокс-Дэвиса до Сесила Р. Хамфри-Смита.

Между тем эмблематическая специфика девизов может служить ключом к ответу. Существование страусового пера как общего символа династии, воплощенного во множестве различных, индивидуальных вариантов, само по себе являлось обозначением идеальных качеств королевского дома - его сплоченности, упорядоченности. Каждое из перьев при этом обозначало отдельного персонажа, было его собственным, отдельным девизом и в этом смысле – символом определенной меры его самостоятельности. Соответственно, в отличие от гербов потомства Эдуарда III с довольно логичной системой бризур перья разных принцев в совокупности являют собой весьма эклектичную картину. Бризуры в гербах эффективно иллюстрируют структуру династии, перья в этом качестве менее убедительны.

Впоследствии, в конце XV в. и в XVI в., употребление перьев сохранялось в королевском доме как связанное с наследником и с некоторыми владениями, находившимися в распоряжении короля. Место династической логики заступила определенная знаковая инерция.

Поэтому автор обсуждаемой рукописи XVI в., следуя идеально-династической идее, заложенной в традиции девизных перьев, и желая (весьма в духе рационально-нереалистичной геральдической литературы того времени) восполнить эклектизм реалий, имел все основания для того, чтобы выстроить идеальную трехчленную схему из трех «главных» перьев; при этом королевский, валлийский и ланкастерский титулы упоминались, скорее всего, не в связи с отдельными персонами, а в качестве умозрительных достоинств, honores, в полном соответствии с положением герцогства Ланкастерского на время написания труда. То же, что девиз всегда наделен персональной принадлежностью, побудило автора обсуждаемого манускрипта выразить свою мысль в персонализирующей форме, способной сбить исследователя с толка.

Другой яркий пример умозрительно-родословной теории - политически ангажированная риторика исключительной праведности «чистого и легитимного дома Франции», якобы воспевающая передачу королевских лилий бастардам. По формулировке «*Songe du vergier*», передача герба бастарду в принципе недопустима «в королевском доме, каковым является дом Франции, ни с бризурой, ни иным образом» (*en un hostel royal, comme est*

l'ostel de France, ne a difference, ne aultrement)(18). Это гиперболизированное требование являлось новшеством и впоследствии повторялось другими авторами, но *никогда* не было воплощено в действительности: капетингские бастарды неизменно пользовались королевским полем с лилиями при условии добавления соответствующих бризур и дополнений, а в некоторых случаях даже с «законнородными» бризурами.

Наиболее известен пример Дюнуа, бастарда Орлеанского, «вечнодостойная памяти» соратника св. Иоанны. Первоначально его герб являл собой французские лилии, дополненные бризурой Орлеанской ветви королевского дома (серебряный турнирный воротник) и поверх всего - левой чёрной перевязью как бризурой бастарда. В воздаяние своих заслуг Дюнуа получил право заменить черную левую перевязь на серебряную правую; его потомки, де Лонгвили, укоротили эту левую перевязь до обломка.

Между тем запрет (или же, скорее, «необычай») передачи бастардам нашлемной лилии, похоже, действовал и до, и после написания «*Songe du vergier*». Порой в той или иной линии королевского рода наряду с общеродовой лилией употреблялся какой-либо особый, партикулярный нашлемник; он-то обычно и доставался бастарду. Герцоги Бургундские порой носили на шлеме филина (по-французски «филин» и «герцог» - омонимы), который был унаследован Антуаном, «великим бастардом Бургундским», и его потомством. Тот же Дюнуа довольствовался нашлемником с бараньей головой; де Лонгвили также не покушались на нашлемную лилию. Примеры можно множить.

Весьма любопытно, что передача лилий в щите осуществлялась с меньшей щепетильностью, нежели передача лилии в нашлемнике. Вероятно, это является еще одним проявлением некоторой «неповоротливости» гербов, связь которых с кровью, с общностью происхождения превозмогала династические, политические и идеологические соображения.

Все эти примеры в конечном счете отнюдь не демонстрируют (как может почудиться) ненадежность геральдических данных для генеалогического поиска. Напротив, они выявляют сложную природу родовой идентификации, родовых переживаний, которые всегда одушевляли, одушевляли и будут одушевлять генеалогию.

Ссылки и примечания:

1. Отсюда «неравенство»! Многим генеалогам бывает нелегко признать в геральдике серьезного коллегу: ведь генеалог обычно обращается к геральдике лишь как к арсеналу декоративных дополнений, тогда как геральдист к генеалогии - в поиске насущных сведений... К чести А.В. Краско, она совершенно чужда подобного легкомысленного отношения к братской дисциплине.

2. Adam[Éven] P. Les enseignes militaires du Moyen Âge et leur influence au l'héraldique // Recueil du Ve. Congrès international des sciences héraldique et généalogique. Stockholm, 1960. P.167-194. Как явствует из названия статьи (и, пожалуй, в меньшей степени - из её текста), П. Адан (один из крупнейших французских геральдистов ушедшего столетия) предполагал раскрыть влияние вексиллологической специфики на гербовую практику. Мне видится более плодотворным рассмотрение основной части работы работы в ином ракурсе: она раскрывает гербовые закономерности с использованием эвристически удобной вексиллологической выборки материала.

3. Idem. P.189.

4. В русской геральдике эта же фигура известна и как «титло».

5. Idem. P.175. См. об этом же с некоторыми подробностями и с разночтениями в деталях: Spener Ph. J. Insignium theoria... Francoforti ad Moenum, 1690. Tab.XXXIII, p.740.

6. См. об этом: Humphery-Smith C.R. Feathers // *Genealogica & Heraldica*. Copenhagen, 1980. P.303.

7. Об этом, например, см. в подробном обзоре: Humphery-Smith C.R., Heenan M.G. The Royal Heraldry of England. Part Five // *The Coat of Arms*. Vol.VII. 1962. №50. P.84.

8. Здесь: четырехпольный, разделённый начетверо щит или же аналогично разделенное поле (исп.).

9. Menéndez Pidal de Navascués F. Comment étaient comprises les armoiries (en Espagne au Moyen-Âge) // *Genealogica & Heraldica*. Copenhagen, 1980. P.316-317.

10. Эта тема раскрыта новаторски, подробно и во множестве аспектов в работе Менендеса Пидалья: Menendez Pidal de Navascués F. *Heráldica medieval española*, La Casa Real de León y Castilla. Madrid, 1982.

11. Boulton D'A. J. D. The Knights of the Crown. The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe 1325-1520. N.Y., 1987. P.330-338 et passim.

12. Menendez Pidal de Navascués F. Aperçus sur usage du cimier en Espagne // Le cimier. Mythologie, rituel, parenté des origins au XVIe siècle. Actes du 6e Colloque international d'heraldique. Bruxelles, 1990. P.211 et infra.

13. Montaner Frutos A. El señal del Rey de Aragón: Historia y significado. Zaragoza, 1995. P.130, fig.16.

14. Подробное объяснение династико-правовых коллизий, в которые были вовлечены Иоанн II и его родня, см. в статье: Шишкин-Ольгов В.В. Французские фамилии на троне Наварры (1234-1830) // *Вестник Псковского Вольного Университета*. Т.2. №1-3. 1995. С.121-123.

15. Humphery-Smith C.R. P.302.

16. Idem. В тексте – «father», что является очевидной опечаткой; должно быть: «father-in-law».

17. Louda J., MacLagan M. *Lines of Succession*. Lnd, 1981. Tables 3, 96.

18. Черных А.П. Геральдика и право в трактате «Songe du vergier» // *Ius Antiquum*. Вып.1. М., 1996. С.236, 226; Boudreau C. Théories et discourse des anciens sur les brisures de bâtardise... // *Académie internationale d'héraldique*. VIII Colloquium... P.87 et passim.

* * *

Публикуемая здесь редакция статьи переработана и дополнена автором специально для сайта «Геральдика сегодня».

Источники: Медведев М.Ю. Генеалогические данные и история геральдики... // *Известия Русского генеалогического общества*. Вып. 14. [СПб, 2004.] С. 47-55.